

ТАЙНЫ ПАРИЖСКИХ МАНЕКЕНЩИЦ

«MÉMOIRES
DE LA MODE
ОТ АЛЕКСАНДРА
ВАСИЛЬЕВА»

**Пралин
Фредди**

**Тайны парижских
манекенщиц (сборник)**

**Серия «Memoires de la mode
от Александра Васильева»**

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7215401

Тайны парижских манекенщиц: Этерна; М.; 2010

ISBN 978-5-480-00239-3, 978-5-480-00234-8

Аннотация

Из всех женских профессий – профессия манекенщицы в сегодняшней России, на наш взгляд – самая манящая для юных созданий. Тысячи, сотни тысяч юных дев, живущих в больших и малых городках бескрайней России, думают всерьез о подобной карьере. Пределом мечтаний многих бывает победа на конкурсе красоты, контракт с маленьким модельным агентством. Ну а потом? Блистательные мемуары знаменитых парижских манекенщиц середины XX века Пралин и Фредди станут гидом, настольной книгой для тех, кто мечтал о подобной карьере, но не сделал ее; для тех, кто мыслил себя красавицей, но не был оценен по заслугам; для тех, кто мечтал жить в Париже, но не сумел;

и для всех, кто любит моду! Ее тайны, загадки, закулисы этой гламурной индустрии, которую французы окрестили *haute couture*.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Пралин[1]	13
Часть первая	13
I. Сорванец	13
II. На побегушках	19
III. Художник-оформитель	28
IV. Война	43
V. Обучение	54
Часть вторая	69
VI. Дом моды	69
VII. Манекенщица	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Пралин, Фредди

Тайны парижских манекенщиц

© А. М. Григорьев, перевод на русский язык, 2010

© А. А. Васильев, предисловие, фотографии из личного архива, 2010

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие к русскому изданию

Из всех женских профессий – профессия манекенщицы в сегодняшней России, на мой взгляд – самая манящая для юных созданий. Тысячи, сотни тысяч юных дев, живущих в больших и малых городках бескрайней России, думают всерьез о подобной карьере. Пределом мечтаний многих бывает победа на конкурсе красоты, контракт с маленьким модельным агентством. Ну а потом? Переезд в большой город, в Москву, пожалуй, работа на Неделе моды, участие в фотосессиях для модных журналов, приглашение в известный Дом моды. Вдруг повезет, и модельер станет шить новую коллекцию специально для Вас, и Вы станете звездой показа, фотографы будут ловить Ваши позы, повороты, улыбку, так редко, увы, теперь посещающую лица моделей. А на одном из таких звездных показов к Вам подойдет представитель парижского или миланского модельного агентства и предложит месячный контракт. Увы, деньги не большие, но шанс упустить никак нельзя.

И вот Вы, уже признанная в России модель семнадцати лет отроду, пройдя все административные формальности и получив шенгенскую визу, ранним утром приземляетесь в парижском аэропорту «Руасси – Шарль де Голль». Вас встречает негритянка или арабка из модельного агентства, отводит на небольшую съемную квартиру, где живет уже моло-

деньская польская и юная шведская манекенщицы, и так для Вас начинается парижская жизнь.

Есть и другой вариант. В аэропорту Вас встречает молодой мужчина, один из совладельцев модельного агентства, и в роскошном автомобиле привозит на большую съемную квартиру, роскошно обставленную, там уже живут три девушки, молдаванка, украинка и сибирячка. И так начинается Ваша «не модельная» жизнь в Париже или, может, в Стамбуле?

Оставим первый, более скромный вариант. Девушку привозят на фотопробу к молодому фотографу. Если съемка будет удачной, есть шанс найти какую-то работу – от рекламы шампуня до скромного показа молодого начинающего дизайнера с Мадагаскара или из Ливана. Вы не говорите ни слова по-французски, а французы, как выясняется, не сильны в английском. Не беда, у Вас с собой русский мобильник, и Вы названиваете по несколько раз в день маме, иногда отправляете СМС-ки Вашему единственному Игорьку или Марку, плачете и грустите в этом самом Париже, которого не знаете, боитесь и избегаете. Вас неприятно поражает небрежность в одежде современных парижанок, Вы ищите глазами привычные силуэты тюннингованных блондинок на шпильках и в супермини в кафе и ресторанах. Их даже нет в ночных клубах, куда вы попадаете со своими новыми коллегами по профессии. Вас тянет на сладкое, а в агентстве Вам предлагают есть больше морковки, яблок и сельдерея.

Уфф...

Но вот кастинг за кастингом, Вас начинают чаще выделять из манекенной толпы, которая в сезон коллекций в Париже составляет около 20 000 девушек, из них смогут заработать этим трудом на жизнь лишь 2 000 моделей, и только 200 избранных будут успешными, а 20 – знаменитыми. Контракт за контрактом, Дом за Домом. Вы внезапно становитесь фавориткой известного фотографа из *Vogue* или *Harper's Bazaar*, Вас букируют на показ в Милан, Токио, Нью-Йорк. Косметическая фирма предлагает Вам рекламную съемку на Маврикии или Багамах. На показах фотографа начинают Вас замечать, а публика внезапно аплодировать тем модным нарядам, в которых выходите Вы... Успех модели, кроя, цвета, формы, а может, и Ваш личный успех. Постепенно вы становитесь настоящей профессионалкой. Ваша походка обсуждается. Молоденькие, еще неопытные девушки начинают копировать Вас, и, как не странно, Вам меняют имя. Вы теперь не Людмила, не Даша, не Таня – Вы стали Сесиль, Ванда или Сибирь... Ой, сколько нового!

Постепенно Вы входите во вкус к профессии и начинаете оценивать Париж. После долгих и мучительных попыток начинаете с удовольствием есть устриц, отличая их по размеру и вкусу. Полюбите эскарго – виноградных улиток, а позднее и ракушки «було». Начинаете судить о винах и шампанском, но в ресторанах заказываете себе только салаты и вареную свеклу, словно Ниночка Якушова в исполнении Греты Гар-

бо. Официант напоминает: «Мадемуазель, Вы не в поле, Вы в ресторане!» Но Вы за свое – фигурку надо беречь... она денежная, Ваша фигурка! И евро, и доллары начинают Вас радовать не на шутку... Вы постепенно овладеваете секретом снисходительной улыбки и из «русской буки», как Вас называли в том первом, маленьком парижском агентстве, куда попали три года назад, становитесь долгожданной феей подиумов. Знаменитое агентство берет за Вас большие гонорары, буккеры постоянно предлагают новое. И вот, Вам приходится заводить одновременно две квартиры: одну – в Нью-Йорке, другую – в Париже, и Вы мотаетесь по три раза в неделю через Атлантику на самолетах. Жаль «Конкорд» упразднили, быстрее было бы лететь!

В Россию удастся попасть только летом, для продления визы, потом и новые романы. Он старше Вас, но богат, у него трое детей от первого брака, но он щедр и аристократичен, бонвиван, одним словом. Сказочная жизнь! Жаль, что сказка так быстро проходит. Наступает возраст, когда работы становится все меньше, приходит новое десятилетие, и Ваш тип лица, увы, больше не в моде. Ищут брюнеток с карими глазами... а Вы блондинка 27-ми лет. Если не сложилась семейная жизнь, то Вы можете вернуться в Россию и преподавать в школе моделей или торговать в элитном бутике, а может стать и его управляющей. А может, Вам удастся написать блистательные мемуары, как это умело сделали манекенщицы середины XX века Пралин и Фредди! Удиви-

тельно, но их рассказ будет перекликаться с моим описанием среднестатистической успешной карьеры модели. Просто у них не было языкового барьера – они француженки – и не надо было делать два старта: один – в России, другой – в Париже. Уверен, что эти воспоминания Вам не только понравятся, Вы влюбитесь в них! Они станут гидом, настольной книгой для тех, кто мечтал о подобной карьере, но не сделал ее; для тех, кто мыслил себя красавицей, но не был оценен по заслугам; для тех, кто мечтал жить в Париже, но не сумел; и для всех, кто любит моду! Ее тайны, загадки, закулисы этой гламурной индустрии, которую французы окрестили *haute couture*.

Истории Пралин и Фредди схожи и различны. Схожи эпохой – обе работали в моде в 1940–1950-е годы, обе были успешны, востребованы, любимы. Огромный опыт человеческого общения, путь к успеху и подноготную подкладку моды они изложили на бумаге. Их воспоминания впервые выходят на русском языке в серии «*Mémoires de la Mode*», и они необходимы. Полное отсутствие подобной мемуарной литературы из уст манекенщиц, если не считать разрозненных журнальных публикаций, позволят нашим читателям, и любителям и профессионалам, узнать этот мир под иным углом зрения.

Узнать истории превращения грошовых мидинеток в королев красоты. Удача и упорный труд должны сопутствовать Вам! Эти воспоминания – прекрасная возможность погру-

зиться в закулисные великих парижских домов моды – Люсьена Лелонга и Жермены Леконт, узнать о начале карьеры Кристиана Диора и Пьера Бальмена, начинавших вместе, но создавших свои Дома порознь... Прекрасные картины Парижа тех лет, и всех городов и стран, куда нашим героиням довелось попасть с век пароходов, а не самолетов: Нью-Йорк и Голливуд, северная Африка и Скандинавия. Большое количество иллюстраций сделает приятное чтение еще и пиршеством для глаза.

А сколько полезных уроков вы извлечете из этих мемуаров! Чужой опыт прекрасен тем, что позволяет нам не набивать шишек там, где их уже набили другие.

Интеллектуальный уровень манекенщиц оставляет желать лучшего, это неоспоримо. Но, прочитав довольно легкомысленные воспоминания красотки Пралин, Вы будете приятно удивлены аналитическим складом ума Фредди, которая не только стройно излагает свою профессиональную жизнь, но и посвящает Вас в тайны копирования моделей *haute couture*, в мир шпионажа от моды. Очень интересны будут новые дополнения из истории парижской моды от ее основания Чарльзом-Фредериком Вормом до середины XX века. Читатель узнает много новых имен, фактов, биографических деталей, и радости от чтения этих книг не будет конца.

Итак, приятного чтения!

*Александр Васильев,
Париж-Москва, 2010*

Пралин¹

Парижская манекенщица

*Близкой подруге
МАДАМ МАЗАРАКИС,
побудившей меня написать эти строки*

Часть первая

I. Сорванец

Быть может, я слишком молода, чтобы писать воспоминания? Но кто из нас знает, когда приходит эта пора?

Родилась я, похоже, в Вандоме, где прожила до шести лет. Особых воспоминаний не сохранила. Отец, занимавший пост на предприятии «Дебер» (чудный запах шоколада!), решил отправиться в Париж, где один из его дядьев предложил «положение с будущим» в Т.С.Р.Р². Там он работает и сейчас. Сначала мы жили у Восточного вокзала, потом окон-

¹ П р а л и н (наст. имя Жаннин Саньи) (1923–1953) – знаменитая французская манекенщица эпохи *new look*, популярная в 1950-е г., трагически погибла в автокатастрофе. – Прим. А. Васильева.

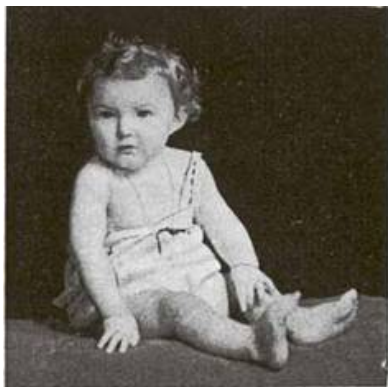
² Общественный Транспорт Парижского Района. – Прим. пер.

чательно устроились в Бурже. Бурж – это и есть моя родина! Главная улица с отвратительными мостовыми, состояние которых не улучшалось от гужевого транспорта, связывающего Париж с северными районами. Аэродром. Он на моих глазах расширялся, обрастал зданиями, посадочными огнями, наливался светом и собирал в дни героев-пилотов Коста³ и Мермоза⁴ шумные толпы пешеходов, множество мотоциклов и автомобилей, сбившихся в пробку, что отвлекало нас, местных ребятишек, от игр с веселыми воплями.

Некоторое время мы жили в хижине. Но наша семья была не без амбиций! Уже мечтали о небольшом доме, куда мы и въехали, когда мне исполнилось десять. Старая приятельница помогла приобрести его, хотя потребовались ежедневные жертвы. Мама пошла работать «к перчаточникам», чтобы не просрочить платежей, – сколько еще лет приходилось экономить! Но все же мы «у себя»! Каковы бы ни были палатки и дворцы, где я позже бывала, «у себя» всегда будет этим одноэтажным домиком с четырьмя комнатами, небольшой лужайкой перед крыльцом и крохотным огородом позади, который мой отец, садовник от Бога, превратил в уголок наслаждений. (Какими вишнями мы там объедались!)

³ Д. Коста и М. Беллonte 1–2 сентября 1930 г. совершили первый беспосадочный полет из Парижа в Нью-Йорк. – *Здесь и далее прим. вед. ред.*

⁴ Ж. Мермоза 11–13 мая 1930 г. совершил первый беспосадочный полет над Южной Атлантикой.

18 месяцев

5 лет, на свадьбе

10 лет, торжественное причастие

У меня два младших брата: Бернар, умница – куда мне до него! – немного молчун, и Жанно, младше меня на семь лет, «воспитанием» которого я горжусь – в то время, когда он едва выбирался из коляски! Каждый раз, когда мне хотелось поиграть в классики, я официальным тоном объявляла, что «отправляюсь прогулять Жанно». Как забыть тот день, когда, прыгая на одной ноге, я вдруг заметила, как коляска с привязанным малышом покачнулась и покатилась в сторону ру...

Я с воплем бросилась вслед. Коляска нырнула в воду, глубина семьдесят сантиметров. Жанно в какой-то растерянности трет глаза, но не ревет, а пыхтит... Местная мегера обругала меня и выдала папе, а тот в приливе справедливой ярости схватил меня, чтобы отшлепать по заднице... но просто подбросил в воздух, едва не плача от угрызений совести, что «плохо обошелся со мной»!..

Я поступаю в коммунальную школу в Курневе. Четверть часа ходьбы. Учительницы, быть может, еще помнят о «здоровой козе», полном ничтожестве в арифметике, хорошистке по французскому, середнячке в прочих науках (!), но лю-

бительнице пошуметь и устроить розыгрыш. Я прячу кроличьи лапки в парты соседок, а те, коснувшись их, начинают вопить.

– Кто принес эту дрянь? – спрашивает мадемуазель.

– Я.

Или мадемуазель отбирает у меня (десятый раз) тюбики губной помады, которую я называю ячменным сахаром.

Я переболела всеми детскими болезнями: свинкой, краснухой, скарлатиной. Меня оперируют, чуть не умерла (три месяца в больнице), когда проглотила гвоздь, который держала губами, пока мама прибивала к стене рамку. При этом крепко стою на ногах, благодаря конскому фаршу, которым меня потчуют, всегда готова играть в чехарду, в прятки, даже в войну, во все игры мальчишек и драться с ними, когда они дразнят меня за мои пристрастия: «Булочные закрываются, спички (мои худые ноги) появляются?»

Ноги служат, чтобы врываться во двор, лазить на чердак, крутить педали велика, их было много в моей жизни, и я буквально срослась с ними с трех лет.

Мама, я еще была малышкой, однажды повела меня вместе с теткой, мадам Пуссен, на какое-то дефиле в дом моды... Вот это да!.. Сказочные платья, восхитительные женщины, с показной небрежностью курящие сигареты... Мой крохотный мозг потрясен: «Мама, хочу стать такой же!»

Мать пожимает плечами. Манекенщица? Разве это профессия?! По крайней мере, для Саньи! А что скажет отец!

Однако она прививает мне, девчонке, любовь к тряпкам. Она будет одевать меня до двадцати лет. Ее страстью были обувь и плащи с капюшоном. По поводу шляпок у нее была масса оригинальных идей. Сколько раз я таскала старые отцовские рубашки и бабушкины платья, чтобы наряжать кукол и Жанно!

В день первого причастия, несмотря на то что в приступе благочестия точно знаю – облатка⁵ превратит меня в «другую девочку», я горжусь своим самым красивым платьем из органди⁶, украшенным старинными кружевами (увы, излишне коротком, ибо из-под подола торчат мои ноги). Платье взяли напрокат за большие деньги. Белое мне идет. Но этот цвет можно упрекнуть за то, что он требует постоянного ухода. Не помню вечера, когда не приходилось бы стирать, латать или чистить чулки или белые туфельки, чтобы они выглядели свежими.

Я получила аттестат. Мне исполняется тринадцать лет. Чем заняться? Вести жизнь «маленькой светской девочки»? Мама склонна к такому варианту, ибо любит меня наряжать и часто отказывается от моей помощи в хозяйственных работах, чтобы не портить мои руки. Но у меня иной настрой.

⁵ Небольшая круглая лепешка из прессованного пресного теста, употребляемая для причащения по католическому и протестантскому обряду.

⁶ Очень тонкая жесткая прозрачная матовая шелковая ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением.

Видя семейные трудности, когда «надо откладывать» (три ребенка растут и рвут одежду!) на трехмесячный взнос:

– Мама, я хочу работать.

– Работай здесь.

– Я хочу зарабатывать, чтобы вносить свою лепту.

Тетя Пуссен⁷, о которой я говорила (не семья, а птичий двор! Мать, урожденная Коломб, потому отец зовет ее «своей голубкой»), начальница одной из служб на заводе Картье-Брессона в Обервиле, обратила внимание, что у Жаннин – это я – хороший почерк и грамотное письмо: «Устрою тебя в нашу контору!»

II. На побегушках

Увы, у Картье-Брессона не нуждаются в «писарях». Меня сажают перед машинкой для крепления уголков коробок. С половины восьмого утра до половины шестого вечера.

Я не раз падаю в обморок: «Эй, Жаннин, очнись!» После четырех месяцев работы я однажды, почувствовав себя плохо, обратилась (впервые) в медпункт.

– Лучше? – спросила меня медсестра.

– Да, – ответила я, припудриваясь.

Мне стало настолько лучше, что, пропустив обеденный перерыв, я ушла и заказала себе еду в бистро. И спокойно вернулась домой:

⁷ В переводе с фр. «цыпленок». – Прим. пер.

– С меня хватит!

– Что скажет тетя?

Мадам Пуссен обиделась. И дулась на нас три месяца.

– Я поищу что-нибудь другое!

Где? Объявления в *Paris-Soir* печатаются не для слепых.

Газета выходит к шестнадцати часам. Надо приходить заранее, следить за появлением продавцов. Нас собирается человек пятьдесят: девушки с впалыми щеками, старухи, которые выглядят еще печальнее! Заглянув в рубрику «Работа», надо садиться в метро – я чаще вскакиваю на велосипед, – чтобы оказаться первой у работодателя. Странно, но, как бы я ни спешила, меня всегда опережают. Словно другие претенденты сговариваются с газетными торговцами! (Понадобились годы, чтобы это понять.) После множества неудач я наконец становлюсь «помощницей секретаря» в фирме пишущих машинок. Денег не платят, но дают уроки (редкие) стенографистки-машинистки. Два месяца на этом месте, и я ухожу, получив кое-какие зачатки секретарской работы.

Утром и вечером сажусь в метро вместе с толпой учеников и шутников.

– Бьюсь об заклад, ее зовут Николь!

– Нет. Сюзанна!

– Может, спросим?

– Мадемуазель, у нас пари, как вас зовут?

Я называюсь, едва шевеля губами, но в глубине души польщена. С ухажерами надо подождать.

И вот мне четырнадцать. Я выгляжу на шестнадцать и горжусь этим. Я смешиваюсь с толпой безработных, изучающих «Табло» на улице Шато д'О.

«...Личная секретарша... Явиться в 9 часов...»

Утром нас сто пятьдесят, за порядком следит полицейский. Меня сопровождает мама. Работодатель, импресарио, посредник по случаю, который явно интересуется... моими ногами.

Он берет меня на 800 франков и на следующий день объявляет:

– С вашими ножками я вижу вас скорее манекенщицей... или танцовщицей!

– Я секретарша, месье.

Несколько недель, пока длится наше сотрудничество, я слышу один и тот же припев: «Можете зарабатывать 1000 франков. Мы могли бы совершить небольшое путешествие...»

Ага! Притворяюсь, что ничего не понимаю. Но девчонка из Буржа вовсе не так глупа. Я с восьми лет обладаю знаниями в некоторых деликатных вещах. Еще тогда я узнала, что поцелуй в губы – источник всего, а главное, детей... особенно если обнимаешься и лежишь вместе. Приятели мне рассказали многое... хотя я ни в чем не уверена да и питаю к этому невероятное отвращение.

Господин Ремон славный человек. Он совладал с собой и

через шесть недель заявил: «Малышка, вы стоите большего, чем прозябать у меня. У вас задатки стать “настоящей секретаршей”!» Даже малышкой я была ему крайне благодарна за возможность вносить в семейную кассу чудесные сто-франковые банкноты!

Вынужденное безделье, я упрекаю себя. Потом становлюсь няней – да, няней! – у двух детишек по адресу Порт де СенКлу. Все было бы неплохо, если бы не тяжелые ночи. Родители твердо верили, что я работаю секретаршей-машинисткой, ночую в городе, чтобы не пересекать Париж каждый вечер... Мы были в сговоре с хозяйкой. Но я уставала. Слишком тяжелая работа: ломались ногти, трескалась кожа рук, и я их прятала от матери по выходным, когда возвращалась в Бурж под радостные вопли Жанно.

Что еще? Работа курьером, когда я весь день моталась по городу, перевозя пишущие машинки, и не всегда портативные. Другая работа – беготня по банкам для инкассации чеков. Представьте себе тощую клячу, продувную бестию (ее дела налаживаются) с сотнями тысяч франков в маленькой сумочке от *Lancel*⁸, которая съела все мои сбережения. (К

⁸ Модный дом Lancel был основан в 1876 г. Анжель и Альфонсом Лансель. Это был первый бренд для независимых, соблазнительных и интеллектуальных женщин, создающий для них вечерние сумки и дамские сумочки. Сегодня принадлежит престижной группе, специализирующейся на продаже изделий класса люкс – Richmond. Сочетают в себе инновационные технологии и многолетний опыт ручной выделки.

счастью, тогда вооруженных ограблений было меньше, чем сегодня!)

С небрежным видом вхожу в шикарный магазин: «Сколько стоит этот пуловер? Можно померить этот жакет?» Невзначай приоткрываю хранилище банкнот. Иногда у меня даже бывает задаток... с которым готова расстаться с легким сердцем.

Туннель длиною в год, когда, немного отчаявшись, вынуждена заниматься маленькими «жанеттами», чтобы доставить удовольствие кюре Курнева⁹ (хотя не особо верю в Бога). Никакая не синекура¹⁰. Мы отправляемся с малышами в Луару или Уаз. Какая жара в июле! Тридцать мальчиков и девочек, требующих постоянного присмотра, с которыми надо играть, которых надо кормить и поить, содержать в чистоте, прятать от солнца и грозы и учить катехизису. Ощущение безделья. Мне скучно, папа пытается развеять меня, обучая после ужина вальсу и фокстроту.

Объявление на улице Шато д'О:

«Требуется помощница швеи...»

⁹ Работа в детском приходе в г. Курнев.

¹⁰ В Средние века церковная должность, приносящая доход, но не связанная с выполнением каких-либо обязанностей. Это слово стало нарицательным для обозначения хорошо оплачиваемой должности, не требующей особого труда.

14 лет, с ребятами из прихода

Я прихожу, и меня принимают на работу в Дом *Suzanne*¹¹ в старом квартале в районе Восточного вокзала. Ни с той, ни с другой стороны нет особого энтузиазма. Мать:

– Это тебе действительно нравится? Пойдешь?

– Все же это шитье!

Вовсе нет. Лишь грязная работа: подмести мастерскую, уложить пакеты, перетаскать их – и все время на ногах. Даже

¹¹ Маленькое модное ателье в Париже в 1930–1940-е гг. – Прим. А. Васильева.

не дают петлицу прошить.

Швеи обращаются ко мне начальственными окриками:

– Ученица, подай булавки!

– Ученица, очисти это!

– Ученица... Я отвечаю:

– Меня зовут Жаннин.

– Твое имя нас не интересует.

Однако атмосфера мне нравится. Особенно когда с каким-то барахлом в руках я отправляюсь в *Шатийон-Му-ли-Руссель*¹² за образчиками или подборкой бархатов на улицу Этьен-Марсель. Меня манит запах с привкусом пыли магазинов, когда разворачивают рулоны тканей, неприметный аромат канифоли. Жесткие и мягкие ткани словно разговаривают с пальцами, волшебны красочные, как крылья бабочки. Так и хочется кричать: «Я часть этого!» (Этого мира шитья и моды, к которому стремлюсь.)

И конечно, посвящение в легкие нравы мидинеток, хотя разговоры не переходят за грань обычных пересудов. Большинство девушек постарше уже обзавелись Марселем или Жан-Пьером, которые вечером ждут у выхода. Одна из девушек, начав толстеть, покидает нас.

– Какую закуску она получила!

– Как ей теперь жить?

Комментарии впечатляют меня. Я нервно сжимаю корсаж

¹² Известный Дом тканей в Париже в первой половине XX в. – Прим. А. Васильева.

вокруг растущей груди.

Набираюсь храбрости – демон отрочества! – показать всем, что добились права... танцевать. Родители подтверждают: «Верно». Семейные балы в округе у Сурда, в Бараке. Там по субботним вечерам и воскресеньям собираются все местные девчонки порезвиться и пофлиртовать под снисходительными взглядами мамаш. Моя выглядит совсем молодой – красивая, без макияжа, с тонкой талией, – многие принимают ее за мою сестру, лстя этим больше мне, чем ей.

Я тоже пользуюсь успехом. Мне нашептывают, что я мила и потрясающе танцую (спасибо, папа!), что я самая элегантная. Мы с мамой потрудились. Вскоре – бах! – я обзавожусь настоящим кавалером. Как он хорош! Его зовут Рене. Профессия? Она кружит голову всем – авиатор! Пилот! Из скромности умалчивает о своих подвигах, но звание старшего капрала, отлучки в некоторые вечера, несколько оброненных слов («Мое такси...», «Мой механик...») весьма красноречивы. Я сразу же влюбилась! Как же он заставит меня страдать, этот ловелас-подросток!

Ему всего девятнадцать; но в этом возрасте уже Гюнемер¹³...

У него есть друг Рауль, неразлучный спутник, в чьи обязанности входит подогревать страсти. Рене ухаживает за

¹³ Г ю н е м е р, Жорж (1894–1917) – французский летчик-истребитель. Одержал 54 победы. Командир знаменитой эскадрильи «Журавли». Легендарный герой французской авиации. – *Прим. пер.*

мной.

Он «любит» меня! Но не заговаривает о браке, что втайне беспокоит меня. К счастью, он не очень предприимчив, хотя вскоре добивается права поцеловать меня в губы, что едва не заканчивается рвотой.

Что я для него? Однажды замечаю у него на пальце... кольцо! Неужели женат? И даже не удосужился сказать мне! Я подумываю о самоубийстве. В следующую субботу его нет. Нет и в воскресенье. А должен был прийти... Ужасное беспокойство, которое лишь усиливается, когда Рауль показывает телеграмму:

«Отправился в испытательный полет. Думай обо мне...»

– Рауль, это опасно!

– Жаннин, он просит вас думать о нем.

Короче, этот красавчик Рене потрепал мне нервы – я даже пожелтела от злости, увидев его с другой девушкой. Я очень ранима, чтобы не испытывать боли, но слишком горда, чтобы упрекнуть его в измене.

У *Suzanne* для меня нет будущего. Остаться на побегушках? Я, как говорил господин Ремон, достойна большего. В один прекрасный день я беру расчет.

Семья не ругает меня. Как же я люблю свою семью! Но по прошествии месяца бездействие начинает меня тяготить. Терзает мысль, что семье «в нагрузку» малыши, которые растут и требуют расходов, а мама вновь собирается идти ра-

ботать!

В тот день я, вырядившись в маленькую принцессу-буржуа, сажусь в парижский автобус, обедаю в ресторане: «Надо выбиваться в люди!»

Прогуливаясь рядом с церковью Мадлен, застываю перед объявлением в витрине на улице Тронше:

«Требуется начинающая продавщица, представленная родителями».

А если войти?

– Я хочу это место.

Это бутик модельного мастера – и ткани, ткани! Хозяин, темноволосый мужчина с рокоchущим акцентом, доброжелателен, мило улыбается: «У вас есть рекомендации?»

Господь вдохновляет меня: «Месье, я ищу работу уже долгое время. Если хотите, моя мать завтра придет к вам. Я делала то-то и то-то. Возьмите меня. Я в отчаянии».

Славный Сапорта¹⁴ взял меня на работу.

III. Художник-оформитель

У Сапорты у меня обширный круг обязанностей. Идет 1937 год. Платят мне, дебютантке, очень мало, но обещают небольшие подарки.

Единственная служащая. Хозяин командует и берет на се-

¹⁴ Итальянский еврей, владелец магазина тканей в Париже. – Прим. А. Васильева.

бя «крупные продажи». Мне поручена повседневная торговля, а также подбор тканей, поэтому утром я появляюсь у торговцев шелком, тканями, лентами и роскошными пустяковинами. Меня знают по работе у *Suzanne*, но теперь я со страстью торгуюсь.

– Ну и хватка у этой малышки!

Я обедаю вместе с Сапортой (и очаровательной мадам). Я буквально слилась с делом и запомнила директиву хозяина: «Надо, чтобы женщина, зашедшая купить шляпку, ушла с отрезом ткани на манто».

Торговля превращается в увлекательное дело, когда ощущаешь себя энергичной продавщицей с хорошо подвешенным языком. Я вхожу во вкус, торгую выкройками, слегка полинявшими платьями, шляпками, залежавшимися в витрине. Покупатели меня знают; торговые посредники приходят ко мне, чтобы я не бегала по поставщикам, говорят:

– Не стоит утруждать такие ножки!

– Не волнуйтесь! У меня есть велик.

На этом велике я начиная с весны проделяваю свои три лье из Буржа.

Я зарабатываю. Сапорта повышает мне зарплату на сто франков в месяц.

Среди основных клиентов множество милых «девчонок», фланирующих по соседству. Я болтаю с ними, они мне нравятся.

В мире всего хватает! Быть может, они... «расклеются»

на моих глазах. (Проклятые болезни!!) А пока во время полицейской облавы я прячу парочку из них в туалете.

Субботы и воскресенья по-прежнему отдаются Бараку. Идиллия с Рене продолжается без изменений, что крайне бы удивило врача из предместий, которого цитирует автор романа «Влюбленные женщины»¹⁵: девственниц старше семнадцати не бывает. Доктор! Быть может, потому, что девственницы не нуждаются в ваших услугах! Я без всякого стыда остаюсь таковой. И множество моих подруг! Наше примерное целомудрие зависит от целомудрия наших воздыхателей (они видят, с кем общаются), от наших дремлющих чувств (пробуждение будет только прекраснее!), а в моем случае – и от наставлений папы: «Малышка, теперь ты работаешь и вращаешься среди разных людей. Тебе надо ковать свое будущее. Если оступишься (понимаешь, о чем хочу сказать?), сама скинешь себе цену. Мужчины – свиньи. Берегись их, особенно обходительных. Стоит начать, как уже не остановиться. Так и покатишься по склону прямо до потаскушки. Стыд, нищета, больница. Твоя мать была настоящей девушкой. Хотелось бы и о тебе говорить те же слова».

Дорогой папа! Его откровенный урок, словно из других времен, звучит в моих ушах в минуту легкого искушения. Его подкрепляют предупреждения (по поводу болезней) молодого кюре, который некогда напугал меня скрытым наме-

¹⁵ Роман Г. Лоуренса.

ком на «опасность потерять зрение» из-за кое-каких неосторожностей. Сам он был красивым мужчиной. Глаза его сияли как свечи. Единственный раз, когда он выслушал мою исповедь, я хотела признаться ему в своих псевдокриминальных мыслях. Один из его вопросов привел меня в ужас.

– Нет, нет, никогда! Нет, отец мой... И, словно по наитию, я придумала:

– Я украла десять франков у мамы!

В ту зиму пополз слух, что готовится большой конкурс на звание *Мадлон* четырех коммун: Дранси, Буржа, Бланшмениля и Курнева. Я прихожу в восхищение, которое тут же охватывает всех местных девушек. Но конкурсантки должны иметь обязательно «не менее шестнадцати лет» (мне еще нет и пятнадцати), быть «дочерьми ветеранов» (у папы званий хоть отбавляй), «быть красивыми» (вот так!..).

– Мама, записываемся?

– Наденешь свое платье в обтяжку из оранжевого плюша! Когда я появляюсь в мэрии, понимаю, что одним из моих болельщиков будет мэр: «Тебе всего четырнадцать, но думаю, тебя все же запишут».

Вскоре меня начинают считать одной из фавориток, а главной соперницей становится хорошенькая мадемуазель Симон, которой, быть может, не повезло, что ее не «представили».

Великий вечер. Конкурс проходит в Праздничном зале, заполненном отцами и матерями, братьями и сестрами, в

присутствии жюри, которое возглавляет начальник авиации Буржа.

В зале множество людей со сверкающими галунами.

Я вытянула 23-й номер (это число станет для меня счастливым). Ощущаю свое везение, когда выхожу с цветами в руках, обтянутая платьем, которое подчеркивает (я уже не краснею) округлости груди. Борьбы не было – выбирают меня. Президент Союза ветеранов взмахом руки останавливает крики «браво»: «...Мадемуазель Жаннин Саньи... Дочь ветерана войны... Ее победа – успех для нее и для нас».

Какая радость! Больше! Я потрясена, тем более что в уголках глаз папы сверкают искорки. Все наши знакомые окружают его: «У вас красивая дочь!»

По громкоговорителю объявляют: «Наша *Мадлон* открывает бал!»

Вот так, запросто, с «президентом», за ним следуют – как я горда! – начальник авиационного лагеря, руководитель группы «Журавли», а потом множество галантных офицеров, которые спешат записаться в кавалеры. Рене нет. Тем лучше! «На задании», – предупредил он. Я уже не так наивна и предполагаю, что он попал в полицию. Кстати, он в последние дни довел меня. Я приревновала, но сумела совладать с собой! Нельзя опускаться до мужчин, особенно когда твоя грудь обтянута великолепным сине-красным шарфом, на голове красуется пурпурно-золотая шапочка и ты шествуешь

по залу, словно королева среди своих подданных.

Мне вручают чек от кассы взаимопомощи: 300 франков, не пустяк! Также я получаю право на воздушное крещение. Это мне нравится меньше; и яставляю это право в лотерею, чтобы подарить маме новый шарф.

15 лет, Мадлон

Фотограф тут как тут. «Я» появляюсь в *Anciens Combattants* (газете ветеранов). Моя первая фотография! Я восхищена ею! Добываю три экземпляра, чтобы повесить в своей комнате, в салоне и бутике Сапорты, где радуются моему успеху.

В прессе Буржа, где у меня есть завистницы, успех скромнее, быть может из-за собственной оплошности. Показывая подружкам похожий на меня набросок в одном журнале моды, я неосторожно похвасталась: «И это я. Меня однажды попросили позировать. Меня уже знают в Париже». И мечтаю вслух: «Вы услышите о Жаннин до того, как мне исполнится тридцать. Увидите, я буду знаменита, как кинозвезда!»

Сейчас мне понятны раздражение окружающих и прозвище «хвастунья!», несущееся вслед, когда я, принаряженная и причесанная – положение обязывает, – сажусь во второй класс трамвая.

Конец Рене! Вот так! Он слишком разозлил меня: месье снова появился с другой. Чаша терпения переполнена! Теперь он встречает меня под руку, будто я влюбилась, с местным галантным ухажером. Рене пытается вернуться. Но я отворачиваюсь от него. Занятно! Несколько лет назад, нахо-

дьясь с мужем в Австрии, я получаю письмо из Инсбрука, которое переслали из Буржа.

От кого? От Рене, который любезно осведомляется обо мне и сообщает новости: женат, охранник, двое детей.

Как, черт возьми, он узнал, что я живу по соседству!

С удовольствием (невинным или извращенным?) я отвечаю ему, приглашаю к себе. Он приезжает – и выглядит неловким в темной форме. А я, в платье из красной чесу-чи¹⁶, спускаюсь навстречу по лестнице нашего палаццо, как Сесиль Сорель¹⁷.

И встречаю его с максимумом простоты и любезности. Он бормочет: «Ты! Ты стала такой! Быть того не может!»

Господин Сапорта, которому все уши прожужжали о моем вкусе, идеях, шике, говорит: «Будешь торговать у прилавка». Что соответствует новой прибавке в сто франков. Подобная обязанность вдохновляет меня. Быть может, я сделаю карьеру художника-декоратора. И снова окунаюсь в тонкость и богатство великолепных тканей, по ним физически схожу с ума, как сходят с ума некоторые мужчины от кожи девушки. Если они лежат навалом, они не очень красноречивы! Другое дело, когда на ткани есть складки, создается гармония тонов, каждая деталь подчеркивает волнующую красоту шел-

¹⁶ Китайская материя из нескрученного шелка.

¹⁷ Сорель, Сесиль (1873–1966) – знаменитая французская актриса «Комеди Франсез».

ка, атласа, крепа, узорчатого штофа, тафты, переливающегося панбархата. Удивительные картины, хрупкое ежедневное достижение идеала – я страстно влюблена в ткани!

У меня прибавилось забот. Отныне бутик для меня – все. Уже нет часов ухода и прихода. Бесконечное удовольствие, когда клиентки останавливаются, пораженные выложенными тканями, когда слышишь присвист брата хозяина, задающего вопрос: «А кто раскладывает ткани?», и свой ликующий ответ: «Я!»

Никаких амурных увлечений с момента исчезновения Рене, но я ничем не отличаюсь от других.

Сын владельца соседней студии, красавчик-блондин, ежедневно появляется словно по расписанию, чтобы выпить аперитив. Стараюсь оказаться на пороге. Мне нравится думать, что на него производят впечатление моя фигура, ниспадающие на плечи золотые волосы. Однажды он обращается ко мне:

– Месье Жильбер хотел бы сделать несколько ваших фотографий.

– Почему сам не спросит?

– Вероятно, робок.

Я не столь робка и даю согласие. Два часа утомительного позирования. (А ведь такой будет вся моя жизнь! Как не стать... натурщицей!)

Фотографии удались. Семья в восхищении. Жильбер приглашает на кофе. Он мне очень симпатичен. Однако в пят-

ницу следует продолжение: «Завтра отправляюсь на уик-энд. Поедете со мной?» Уик-энд?! Вероятны последствия!.. Что сказать родителям? В голове слышатся наставления папы. Нет, я точно не поеду. Жильбер больше ни разу не взглянул на меня и не обратился ко мне.

Другое «приключение».

Однажды около пяти часов вечера замечаю юного аристократа, который бросает в мою сторону взгляды с противоположного тротуара. Сколько времени он простоял там! Он ждет моего выхода и храбро следует за мной по пятам. Сегодня у меня нет велосипеда, значит, автобус. Я тащу его за собой до моста Фландр, а потом и дальше, до Порт-де-ла-Вилетт. Направляюсь к автобусу 52-го маршрута.

Он не отстаёт.

– И как далеко вы меня увезете?

– Вы и так далеко зашли!

– Зачем я оставил машину на улице Тронше!

Я запрыгиваю в автобус. Он отстаёт. Хотя бы завтра пришел! Он приходит к семи часам.

– Может, на этот раз позвольте проводить вас до дому? Какая машина! «Хочкисс»!¹⁸ С радио и всем прочим! Его зовут Жан. Настоящий Месье! Любезный, веселый, уважи-

¹⁸ Французская фирма по производству легковых автомобилей, выпускала продукцию высшей категории качества. Но после Второй мировой войны не смогла конкурировать с *Citroën* и *Peugeot*, и производство легковых машин в 1954 г. было прекращено, хотя выпуск грузовиков и военных машин продолжался до 1970 г.

тельный, хотя чувствуется, что горит желанием стать иным. В Бурже я не решаюсь высаживаться у дома. Семья не поймет! А он! Наша «вилла» вряд ли впечатлит его. Когда мы проезжаем мимо больницы, я прошу остановиться:

– Здесь.

– Ваш дом?

17 лет, попытка показа автомобиля

– Да. Благодарю вас.

(Быть может, я дочь директора, хирурга!)

Небрежно попрощавшись, прижимаюсь к воротам, делаю вид, что звоню, моля небо, чтобы он не задерживался.

Через день мы вместе обедаем. На следующий день:

– Послушайте, Жаннин, может, проведем воскресенье вместе?

– Невозможно. Я обвенчана.

– И ваш жених не приходит вас встречать?

– Он служит в полку.

– Придется выбирать: он или я.

Неужели он думает о браке? Мое воображение разыгрывается. Такой благовоспитанный молодой человек! Богатый! А чем он, кстати, занимается?

– Ничем особенным. Пописываю стишки. Гуляю. Изучаю людей. Буду писать.

Я не знаю его фамилии и не осмеливаюсь спросить. Стать его любовницей? Никогда. Женой? Было бы сказочно!

Он вдруг отправляется в путешествие. Получаю телефонное послание:

«Вынужден на n-ное дней отлучиться. Надеюсь встретить вас по возвращении такой, как оставил... и так далее и тому подобное».

Служащий в спешке записал «n-ное дней», а я (надо же быть такой глупышкой!) прочла «99 дней»! Такая точность убивает меня. Уверена, Жан издевается надо мной!

Я плачу. Вижу, как рушится моя мечта. Как-то Жан дал

мне номер своего телефона... Я решаюсь сказать в трубку:

– У меня есть только номер. Могу ли я узнать адрес?

– Авеню Мак-Магон.

– Дом господина Жана?

– Господина Жана де Б. Но сейчас он в отъезде.

Аристократ! Это поднимает его в моих глазах, наделяет короной! Безумная надежда, что!.. Уехал на 99 дней! Жан де Б. не для меня.

А главное, однажды блестящая актриса из театра на Бульваре, с которой я сдружилась, признается мне на генеральной репетиции, что вскоре выйдет замуж.

– За кого?

– За Жана де Б.

– Забавно! Она удивлена:

– Почему забавно?

– Просто так.

IV. Война

А война приближалась. Будучи беззаботной девушкой, я мало бы думала о ней (я уже тогда почти не читала газет), если бы отец в доме не служил рупором всех новостей в мире. Папа не занимался политикой, но в нашем «красном» предместье не пропускал собраний коммунистов, чтобы знать, что так тревожит этих людей. Он знает, что такое война, и считает полезной только борьбу за мир. Но с 1938 года, по-

сле истории с Судетами¹⁹, все задаются вопросом: а не посыплются ли бомбы на нас? И не станут ли нас травить газами? Когда мы получаем противогазы, я развлекаюсь, надевая свое устройство, похожее на свиное рыло, чтобы попугать Жан-Луи:

– Не шутите с этим, – повторяет папа. – Это слишком ужасно!

– Папа, расскажи про войну!

Воспоминания о 1918 годе срываются с уст ветерана-артиллериста, награжденного Крестом за военные заслуги, военной медалью. Он вновь собирается, как говорит, пойти в армию сержантом тяжелой артиллерии. Мы слушаем его разинув рты.

Через несколько месяцев, летом 1939-го, события ускоряются. Всеобщая мобилизация! Война идет, но свирепствует пока в далекой Польше. Говорят «странная война»! Но мы вплотную соприкасаемся с ней: мимо нашего дома по железной дороге идут эшелоны, часто останавливаясь на станции. Мы носим вино и еду парням, которые на минуту вылезают из вагонов для перевозки лошадей.

Отец ушел в армию в октябре, потом вернулся, но не демобилизовался. Позже он получает от Управления нацио-

¹⁹ Имеется в виду Мюнхенское соглашение 1938 г., подписанное 30 сентября премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Деладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини, о передаче Чехословакией Германии Судетской области.

нальных железных дорог предписание на перевод на автобусные перевозки. В мае следующего года начинается настоящая война, и тут же поступают тревожные новости, в которые едва верится. Париж под угрозой оккупации! Господин Сапорта, еврей, не хочет пытаться судьбу при нацистах и уезжает, оставив на меня все – подборку тканей, торговлю, как, впрочем, и бухгалтерию. Я буду отчитываться в конце каждой недели перед его шурином, который щедро оплачивает мою работу. Так продолжается недолго. В начале июня все летит кувырком. Оставшись в одиночестве в замечательном бутике, каждый день вглядываюсь в безоблачное небо над церковью Мадлен, затянутое тучами сажи, от которой надо оберегать светлые ткани.

18 лет, у Сапорты

Однажды вечером папа сообщает нам, что между армией и Т.С.Р.Р. достигнуто соглашение и служащие готовы спасти автобусы при условии, что, уезжая, могут забрать с собой семьи.

Сбор назначен утром 12 июня на складе Фландр. Надо учитывать тот факт, что возвращения не ожидается. Стоит забрать с собой все, что возможно, считает мама, и прежде всего животных – и любимых, и полезных, – а именно маленькую собачку, сучку Зору (которая вскоре принесет щенков), трех кроликов, двух кур, не считая семи канареек с запасами семечек. Кроме того, необходимые вещи. Мой багаж – мои платья. Я набиваю в чемодан штук пятнадцать, в том числе и наряд Мадлон, три платья напяливаю на себя – вот уж попотею в дороге!

Не буду рассказывать об исходе. Жуткие пробки на дорогах. Монтаржис вечером, в 12; Жьен-сюр-Луар на следующий день. Мы умираем от жары и жажды (бутылка воды стоит пять франков). Встреча с военным конвоем, который буквально осаждает наш автобус. Парни, узнав, что я стенографистка-машинистка, непременно хотят представить меня своему командиру. Тот любезно просит о помощи.

Конвой отстает от нас в Бюже (Коррез). Нас семь или восемь семей, мы находим приют в уютном владении. Но ни у кого в кармане ни гроша! Никаких вестей от папы, а это уже страшно!

Я – самая старшая. Надо зарабатывать на хлеб для семьи. Как? Я продержалась пять месяцев в Военном бюро, исполняя обязанности секретарши майора Д. (немного влюбленного в меня).

Все идет нормально, но мы живем впроголодь. (Моя единственная зарплата на четверых!) Жизнь проходит в печатании «секретных» писем и докладов, некоторые из которых мне приходится возить в город Тюль.

– Никому ничего не сообщать! Даже дома! Клянетесь?

Я восхищена своей ролью, уже мечтаю о сенсационном продолжении: шпионаж в пользу Франции – как Фейере²⁰ в «Марте Ришар». Двойной агент... Я справлюсь! Кокетливая, развратная, я буду сводить с ума немецких офицеров, чтобы добыть «документы»... Правда, случается, что шпионкам приходится спать с врагом – фу!

Наконец приходит весточка от папы. Полегчало. Он приезжает! Переживания от недолгой встречи. Он оставляет немного денег. Я ношусь на велосипеде по коррезским деревням в поисках яиц и муки. Близится конец лета. Письмо от Сапорты с просьбой вернуться в Париж «любыми средствами» и открыть бутик. Правда! Может, в Париж возвращается жизнь. Под бошами! Быть может, они и не так страшны. Моя истинная профессия вновь тянет меня. Мама одобряет мое решение. Мы собираем последние деньги, чтобы

²⁰ Фейер, Эдвиж (1907–1998) – французская актриса, сценарист, прославилась своими ролями и долголетием.

нанять большую машину, которая повезет всех четверых. Оплата – четыреста франков за каждого.

Разочарование! Послание Сапорты давно устарело. Его шурин получил письмо и от меня, где я рекомендовала одну из подруг в продавщицы. Та устроилась на работу. Для поддержания дела (я замечаю на ней каракулевое манто) она собирается замуж и не хочет уходить. Я без ропота оставляю место за ней. Тяжелая зима. Почти нищета. Живем на жалкие крохи, которые продолжает получать папа. Выживаем... На брюквенной диете легко и отправиться на тот свет. Мы тоскуем по настоящей пище.

По вторникам и пятницам, зачастую в холод, ветер и снег, уезжаю с четырьмя приятелями по курневской школе на велосипеде. Направление – окрестности Бове, где мы посещаем каждую ферму, пытаюсь разжалобить хозяев. Если бы вы видели, как мы возвращаемся (75 километров пути): навьюченные как ослы, с заполненными багажниками и авоськами по бокам, которые нещадно царапают икры. Особенно тяжело, когда ветер дует в лицо. Нас заносит, прокалываются шины. Мы ждем, переминаясь с ноги на ногу и размахивая руками, чтобы не замерзнуть. Вновь садясь на велосипед, едва не разбиваю лицо.

Я хоть и девушка, но выносливости у меня хватает, а парни не отпускают меня от себя, тем более что я ценная спутница со своей порозовевшей мордочкой, когда (такое случа-

ется часто) немецкий патруль требует предъявить документы. (Нам вообще нужны спецпропуска.) Я играю в наивную девочку и рассказываю о трех маленьких братьях (одного добавляю). Нас пропускают, иногда даже дарят американские сигареты – откуда только их достают фрицы?

Запасы тают. А если снова начать читать объявления в *Paris-Soir*? Комитету Мермоза требуются продавщицы. Я сразу соглашаюсь.

Нас семь женщин-служащих под руководством красивой русской дамы, у нее отличные отношения с хозяевами. Хозяев двое, они живут на площади Сен-Жорж. Майор шестидесяти лет и красавец Ремон М., с которым я прекрасно ладила – за исключением ночей, как ему хотелось.

Комитет Мермоза собирает средства на создание в Дакаре филиала имени погибшего великого авиатора. Нам выдали книжки с двухфранковыми бонами, которые мы должны продавать (пятьдесят сантимов скидки). Мы разделили Париж между собой по округам. Дела идут неплохо. В 40 су нельзя отказывать человеку, ратующему за популярное имя. Однако в один прекрасный день, помню на «пятом» коммунисте, дверь распахивается, слышится брань, мне наносят удар ногой, и я отлетаю к лестнице. Мермоз был членом «Огненного Креста»²¹.

²¹ Военизированная фашистская организация во Франции в период между двумя мировыми войнами. Возникла в 1927 г. как ассоциация бывших фронтови-

Исход в Коррез

Золотая жила – это поездки, которые организует для нас

ков, награжденных боевыми орденами.

комитет. Один раз Виши. Два раза Клермон-Ферран, Лион, Гренобль. Несколько раз группу возглавляет Ремон М. Документы у нас в порядке, никаких затруднений на демаркационных станциях. Останавливаемся в хороших гостиницах, приемы, иногда с шампанским, ослепительные праздники. Летом некоторые из этих поездок проходят на ура, а мы, фривольные воробушки, занятые своим делом, пока еще не имеем (в сорок первом) четкого понятия об ужасах немецкой победы и растущих бедах Франции. Все ухаживают за нами. Все смеются, пока не приходится говорить: «Лапы прочь!» Приятные и веселые подруги. Русская красавица окутана какой-то тайной.

Исход в Коррез

Как-то вечером она приглашает меня к себе (странно, гости сплошь мужчины!), после ужина замечаю, как пригласятся свет и все укладываются на диваны; я спрашиваю, где укромный уголок... и сбегая.

Комитет распускается. (Выполнил ли он свою задачу?

И есть ли в Дакаре «филиал Мермоза»?)

Я снова оказываюсь на улице.

V. Обучение

Немного заработанных денег дают передышку на несколько месяцев. Семья чувствует благодаря папе, что решается исход войны. Однажды немцы уйдут. Париж снова станет Парижем, столицей моды. Любая сфера деятельности, не связанная с элегантностью, будет для меня неполноценной. Мне восемнадцать лет. Настало время пикировать на цель.

Фотограф Табар²² из *Marie-Claire*, встреченный мною в студии Тронше, как-то останавливает меня на площади Этуаль:

– Почему бы такой девушке, как вы, не поступить в дом

²² Т а б а р, Морис (1897–1964) – скорее метр современного искусства, чем фотограф моды. Был дружен с художниками-сюрреалистами Филиппом Супо, Рене Магриттом и Манном Рейем. Последний поделился с ним опытом экспериментальной фотографии – совмещение кадров, обратная съемка, выдержка при солнечном освещении, отсюда модели-миражи, образцы невероятной, воображаемой моды. Во время войны возглавлял фотостудию *Marie-Claire*.

моды?

– Я не очень люблю шить.

– Не портнихой. Манекенщицей.

Манекенщица! В этом слове сконцентрированы все мои устремления. Примерки, показ платьев, своя небольшая партия в концерте парижского великолепия! Боюсь, родители плохо воспримут эту идею. Манекенщица для их поколения равнозначна падшей девушке. Но нет! Я уже доказала свою мудрость. Манекенщицы Высокой моды (целить надо высоко!) образуют элитную касту. Могу ли я войти в нее? Одни амбиции не всегда помогают. Изучаю себя в зеркале: приятная мордашка, допустим; хороший рост, фигура... А манера носить туалеты? Мне делают комплименты. Но в королевстве слепых... Однако я чувствую, у матери есть вкус. Я его унаследовала. И ведь была Мадлон-37!

Табар посоветовал «ходить и представляться повсюду». Так и надо поступать: скромная и сдержанная осанка, туфли без каблучков, коротенький плащ, обычная юбка, плоская шляпка с вуалью.

С кого начать? Обложка модного журнала с очаровательным костюмом от Баленсиаги²³ гипнотизирует меня. Авеню Жорж V. Кабинет, перед которым расхаживают несколько

²³ Б а л е н с и а г а, Кристоаль (1895–1972) – испанский кутюрье. В 1919 г. открыл с помощью маркизы де Коза Торрес салон в Сан-Себастьяне. В 1931 г. его клиентками были члены королевской семьи. В 1933 г. совместно с Педро Родригесом открыл Дом моды Eisa в Мадриде, в 1935 г. – в Барселоне, в 1937 г. – в Париже. В 1950-е гг. его стиль был альтернативой *new look* К. Диора.

продавщиц. Мертвый сезон.

– Я хочу увидаться с господином Баленсиага.

– С какой целью? Горло мое сжимается.

– Может, ему нужны манекенщицы?

– Его не беспокоят по таким пустякам.

Остается лишь удалиться. Пара девушек разглядывают меня, не скрывая иронии. Я настаиваю:

– А ты скажи!

– Наглости у нее хоть отбавляй!

Появляется директор Дома, он же шеф-мастер (господин Атенвилль, которого позже я, как и все, буду называть Тантан).

– Вы не совсем в нашем духе.

Сквозь витрину вижу два волшебных создания, которые разгуливают в белых мехах с сигаретой в зубах. Третья в обычной блузке, но какая линия! Я еще далека от этого!

Господин Атенвилль:

– Поймите, вас еще нужно обучать. Надо, несомненно, перекраситься в черный цвет. И сделать шиньон.

И поскольку не лишен доброты:

– Примерьте на нее коричневый костюм.

Нет! Этот костюм мне не идет. Господин Атенвилль сожалеет, что дал мне надежду. «Не наш стиль». Я ухожу.

У Скиапарелли²⁴ на площади Вандом меня даже на порог

²⁴ 1 С к и а п а р е л л и, Эльза (1890–1973) – французский модельер итальянского происхождения, создала свой Дом моды, первая открыла собственный бу-

не пускают. Стоило изложить просьбу, как какая-то женщина без лишних разговоров захлопывает дверь у меня перед носом: «Не наш стиль!»

Не больше успеха у Бруера²⁵, где одна сострадательная продавщица шепчет: «Жаль малышку... Она могла бы быть очаровательной».

«Могла бы!» Мне чего-то не хватает? Несомненно, раз и навсегда. Горизонт сузился! Я строила иллюзии. Я всего лишь жалкая девица с претензиями из предместий. Но не теряю надежды целых три дня.

«Лелонгу требуется начинающая манекенищица».

Как всегда *Paris-Soir*. Попытка не пытка! Ради чего! Однако... Лелонг²⁶, королевский дом! Я даю пинок под зад самой себе.

В роскошном салоне толпятся тридцать кандидаток с испуганно бьющимися сердцами. Смотр устраивает импозантное жюри. Седоватый мужчина, к которому каждый обращается с подобострастием, вдруг подает мне знак:

тик и заложила основы того, что в будущем будет называться *prêt-à-porter*.

²⁵ Парижский Дом моды, основан в 1928 г. Мари-Луизой Бруер, бывшей портнихой Дома «Сестры Калло». Прославился элегантным шиком и скромностью стиля. Закрыт в 1960 г. – *Прим. А. Васильева*.

²⁶ Л е л о н г, Люсьен (1889–1958) – французский кутюрье. В 1923 г. открыл свой Дом моды. В 1920–1930-х гг. стал одним из законодателей моды. Первым выпустил коллекцию готовой одежды в 1934 г. В 1937–1947 гг. президент Синдиката Высокой моды, бывший супруг знаменитой русской красавицы, княжны Натали Палей.

– Мадемуазель... Подзывает костюмершу:

– Наденьте на нее вечернее платье.

Волнение захлестывает меня, ощущаю себя неловкой и не в своей тарелке. Демонстрирую платье, руки болтаются...

Я понимаю, что услышу «нет, не то», уверена в приговоре.

«У вас не тот стиль...»

Господин Лелонг три секунды разглядывает меня:

– Она нуждается в обучении. (Повторно!)

– Мы ею займемся.

Русская манекенщица Варвара Раппонет в

Директриса отводит меня в сторону: «Вы понравились. Но сначала отправляйтесь на улицу Шоссе-д'Антен, 51. К господину Ренвиллю²⁷. От господина Лелонга». Куда меня посылают? Похоже, во второстепенный дом. Удача для меня! Мне показалось, что мои конкурентки были очень крупными. Без спросу беру у мамы туфли на высоких каблуках.

Господин Ренвилль доброжелателен, мило улыбается: «А! Вас прислал господин Лелонг? Отлично. Почему бы вам не быть той, кого я как раз ищу? Приходите завтра в три часа».

Я прихожу. Нас с десяток. Среди них я выгляжу... не самой безнадёжной.

Короткое вступление господина Ренвилля:

– Девушки, за один день манекенщицей не становятся... Есть вещи, которые кажутся естественными, но им надо обучаться. Прежде всего – ходьбе.

Он смотрит на меня:

– Вот вы...

– Но я умею ходить!

– Можете показать мне свой плащ и платье?

Я, как мне кажется, с честью выхожу из испытания.

– Вы не умеете ходить.

– Мне говорили, что у меня красивая походка.

²⁷ Школа манекенщиц существовала в Париже до Второй мировой войны. – Прим. А. Васильева.

– Недостаточно хорошая здесь.

– А где я?

– В школе манекенщиц, которой я руковожу.

– Я не буду зарабатывать?

– Скорее немного тратить. Видя мое разочарование:

– Решите сами, стоит ли игра свеч.

Быстро и с невероятной уверенностью господин Ренвилль берет свой плащ и «показывает» его нам. Мы поражены!

Какая гибкость! Какая простота! Какой актер! Боже, воспользоваться – обязательно! – этими потрясающими уроками, даже если это будет стоить мне... из расчета трех раз в неделю... (У меня перехватывает дыхание от цифры в четырехста пятьдесят франков в месяц.)

Надо где-то заработать эту сумму – даже чуть больше!

(У меня будут расходы.) Провидение! *Paris-Soir* приводит меня к *Suzanne* и *Irene* на улицу Понтье.

Меня берут из любезности. Предоставляют свободу в нужные часы, чтобы я могла ходить на курсы. Двадцать работниц – одна из них я – трудятся в одной комнате. Я шью, как и остальные, а иногда – всем известны мои амбиции – показываю платья клиенткам (мадам Жорж Карпантье).

Но вся моя жизнь отныне проходит на курсах. Ренвилль подружился со мной и рекомендует приходящим фотографам. Уже польза! Прежде всего нас учат уверенности в себе:

– Чаше смотрите в зеркало. Скромно, но с гордостью. Повторяйте себе, что вы красивы и что это дар Божий.

На полу с полуметровым интервалом начертаны две линии:

– Привыкайте ступать между ними, слегка покачиваясь. Не переваливаясь, как индюшки!

Азбука макияжа:

– Немного сливочного масла в качестве фона. Яичный белок на лицо перед сном.

Я следую советам. Мама снисходительно шутит: «Дочь становится кокеткой!» (Она не знает, что это «профессионально». Я для нее продавщица, и не более того.)

– Не держите руки постоянно в перчатках. Следите за питанием!

Туалеты, которые я шью и представляю

И тихо добавляет:

– Ешьте кашу.

Всем:

– Держитесь «взрослее»!

Всем, чей рост на грани:

– Повисите на перекладине; добавьте лишние два сантиметра.

Советы по физкультуре:

– Ложитесь на спину. Вот так! Поднимите ноги и крутите педали. Изготовьте себе пояс на живот.

Красивой толстушке:

– Меньше хлеба, малышка. Вас подстерегает целлюлит. Укрепляйте мышцы. Надо вас потоптать.

И принимается ходить по ее бедрам и животу, не причиняя боли.

Хитрые приемчики:

– Клиентка спрашивает вас о цене платья. Что вы ответите?

– Я манекенщица, а не продавщица.

– Прекрасно! Именно то.

Месяц заполнен до отказа. Даже два. Никакой «частной жизни». Я отдаляюсь от приятельниц... они отсеиваются. Никакого флирта. Работа! Работа! Однако у *Suzanne* и *Irene*

бывает прыщеватый посредник, впрочем вполне милый испанец! Однажды он уходит и вдруг возвращается:

– Забыл зонтик. Не передадите? – обращается он ко мне.

– Я не прислуга. Я манекенщица Дома.

– Мои извинения, мадемуазель.

Появляется на следующий день:

– Не могу ли в искупление оговорки пригласить вас на обед? В конце концов я соглашаюсь, отказавшись от крохотного ресторанчика, где едва утоляю голод (идет 1942 год) и трачу целое состояние. Манюель приглашает меня снова. Но любовные приключения не для меня. Моя настоящая жизнь сейчас проходит в прихожей, она преамбула к опасному испытанию, о котором думаю день и ночь.

Наконец, школа позади! 5 февраля. Ренвилль звонит Лелонгу.

Нас трое, три испуганных замухрышки в громадном салоне, где собирается тот же штаб. Пытаюсь узнать людей, надеюсь, кто-то подбодрит меня. Все сидят с непроницаемыми лицами. Прислушиваюсь, вроде слышу, что есть место, поскольку одну из ведущих манекенщиц назначили директрисой.

А вот и хозяин. Как он хорош! Какая властность! Какая осанка! Его одобрителный взгляд останавливается на мне:

– Ладно, попробуем ее...

Он подходит. Я начинаю дрожать:

– Не бойтесь, малышка. Представьте себе, что здесь нет никого. Забудьте обо мне.

Синее платье из органди, которое я буду помнить всегда (огромные розы на юбке)! Показываю его. Ощущаю себя юной девчонкой – не забыть приподнять запястья. Господин Лелонг:

– Смотреть остальных не надо. Она будет новичком кол-лекции.

Он произносит эти слова достаточно отчетливо, чтобы я их расслышала, все согласны с его выбором. И тут я начинаю рыдать, повторяя: «Меня приняли!»

Господин Лелонг:

– Что случилось, малышка?

– Простите меня, господин Лелонг. Я так натерпелась! А вы только что сказали... Меня взяли?

– На тысячу четыреста франков в месяц. Директриса берет меня за руку:

– Приступаете завтра.

Я благодарю, теряясь в словах. Выхожу на улицу как автомат и иду предупредить *Suzanne* и *Irene*. Меня поздравляют.

Вновь обретая право на полноценную жизнь в семье, не могу сдержаться:

– Все! Я работаю. Я манекенщица у Лелонга. Тысяча четыреста франков в месяц!

– Что ты сказала? – Отец едва не поперхнулся.

– Тысяча четыреста!

– Можешь оставить себе! Уходи! Манекенщица, на мой взгляд, это шлюха! Я воспитывал тебя для другой жизни. Проведу ли я ночь дома? Мама плачет, заставляет остаться. Жан-Лу тайком приходит ко мне, словно к прокаженной, и целует меня на прощание.

Утром, накинув плащ, держа в руке чемодан, где лежат мои «три шикарных платья», покидаю дом с болью в сердце, но ощущая счастье.

Часть вторая

VI. Дом моды

Меня часто спрашивают, как работает Дом моды. Я начинаю разбираться в этом, но не лыщу себя надеждой, что достаточно глубоко изучила хитрости «серaley»²⁸... который, впрочем, не является таковым! Манекенщица-дебютантка у Лелонга, я уже вступила на борт судна. Но только по прошествии многих месяцев ощутила способность проследить создание платья от первоначального наброска, именно он означает рождение, до его триумфа на плечах... американки.

Однажды кутюрье берет бумагу и делает рисунок. Обычно главный модельер – сам хозяин. Лелонг, располагавший хорошими мастерами-модельерами, умел спорить, улаживать разногласия, даже делать наброски. Редко случается, чтобы набросок мастера-модельера крупной фирмы отвергался с первого взгляда. Такой мастер уже личность. Чтобы занять свое место, он должен после окончания какой-нибудь школы сделать определенную карьеру, доказать, что обладает вдохновением. Обычно он переходит из второстепенного дома в другой, более крупный, и в каждом становится заметным.

²⁸ Дворец турецкого султана.

Даже добившись успеха, ему есть смысл менять место работы ради расширения горизонта.

Чтобы добиться действительного признания, его «идея» должна быть реализована. Иными словами, набросок передается в первую мастерскую, где он обретает существование в виде макета. Оккупация заставила использовать... грубое полотно, ткань, в которую заворачивали влажные куски масла.

В нормальное время макеты делаются из хлопчатобумажной постельной ткани.

Именно над макетами работает модельер вместе с первой мастерицей (а иногда и с манекенщицей). Примерки, исправления на исправлении... Иногда такая предварительная работа идет в корзину! Напротив, если макет удастся, модельер указывает ткань для воплощения идеи.

Ткань, которую надо выбрать из десятков и сотен образцов – от лучших производителей, – лежит на полках заготовительного цеха. Заготовительный цех, тайное убежище, куда я заходила выпросить кусочек ткани или одолжить отходы от кроя по случаю праздника Святой Екатерины²⁹. Начальник или начальница, властвующие там, играют важную роль, поскольку им поручены закупки (совершенные, полагаю, обычно в срок) и пополнение ассортимента. Небольшому количеству служащих этого цеха скучать не приходится.

²⁹ Покровительница портных, в честь нее устраивались маскарады для сотрудников. – *Прим. А. Васильева.*

После выбора ткани, своей для каждой модели, макет и ткань передаются в одну из мастерских. Сколько их? Как мне кажется, количество мастерских колеблется от четырех до девяти.

В каждой работают тридцать работниц под руководством первой портнихи, которой помогает вторая портниха. Вся эта иерархия устанавливается от ученицы (девочки на побегушках, какой я была у *Suzanne*) до подручной и второй швеи; потом до первой швеи, которая мечтает стать второй портнихой («звание» у Эдит Пиаф в «Малышке Лили»³⁰).

Как восходят по ступеням? Не стоит верить в блат, «в лапу»... или подобное. Работница зарабатывает деньги, конечно, усидчивой работой, совестью и заслугами, я бы даже сказала – талантом! Подобная швея быстро выделяется среди остальных своим вкусом, умелой отделкой работы, неким личным шиком!.. Случается, если повезет, стать первой мастерицей в двадцать пять лет.

³⁰ Пьеса Марселя Ашара на музыку Маргерит Монно.

Примерка платья от Бальмена для пьесы Марселя Ашара «Малышка Лили» на музыку Маргерит Монно. Манекенщица Пралин и Эдит Пиаф, театр ABC, Париж, март 1951 г. (*Irfan View/ East News*)

Швеи у Лелонга отмечают праздник Св. Екатерины. Пралин в центре

Первая портниха мастерской – не пустой звук! Лакомый титул, место, каких мало на рынке труда Парижа. Если хотите, оценим количество первоклассных фирм в пятнадцать

домов, по пять – семь мастерских в каждом. Мастерские бывают двух видов: мастерские верхней одежды, где шьют костюмы, манто, спортивную одежду; и мастерские для пошива вечерних, коктейльных платьев, пляжных нарядов, шорт и т. д. Вторых мастерских примерно вдвое больше.

Платья наконец готовы! Пробил наш час, час манекенщиц. Собранные в кабине, большой или маленькой комнате, по четверо-пятеро, а то и по девять человек (Бальмен³¹, Фат³²...), даже по двенадцать (Диор³³ после войны), у Лелонга до тридцати, мы быстро раздеваемся, надеваем платья и переходим в студию. Это прекрасное помещение, иногда громадный салон для примерок, доделок, тщательной отделки, которые многие считают бесконечными, но они уже не кажутся долгими в опьянении красотой и совершенством.

³¹ Баль мен, Пьер (1914–1982) – французский кутюрье, начинал в Доме моды Л. Лелонга. Работал вместе с К. Диором и Молино. В 1945 г. открыл свой Дом моды, снискавший огромную популярность среди изысканной аристократической клиентуры, за что Бальмен получил прозвище «кутюрье королев». Кроме того, ему удалось создать новый образ активной, элегантной, независимой женщины.

³² Ф а т, Жак (1912–1954) – французский кутюрье, яркая фигура в моде середины XX в., снискал себе славу как своими моделями, так и громкими костюмированными балами. Его работы отличались смелым использованием цвета, изогнутым силуэтом и наличием мужских деталей. Ввел в моду «женщину-вамп».

³³ Д и о р, Кристиан (1905–1957) – французский кутюрье, в 1946 г. открыл свой Дом моды. В первой же коллекции 1947 г. создал совершенно новую концепцию *new look*, получившую всеобщее признание.

В кабине, манекенщицы со своей директрисой

Именно в студии модельер изучает, размышляет, ищет, комбинирует, день ото дня улучшая платье на покорной манекенщице... если только внезапно не передает его другой манекенщице. (Тут-то и наворачиваются слезы на глаза!)

Так выглядит показ коллекции, зимней коллекции, с 5 июля по 5 августа. Последняя дата и есть дата выхода в свет коллекции, которую вначале представляют прессе и иностранным покупателям (невероятные дни лихорадки, роскоши, славы), а через две недели демонстрируют клиенткам. Так продолжается до конца ноября, когда открывается по-

каз летней коллекции, ее представляют с начала февраля до конца июня в том же порядке.

В отпуск мы уходим сменами, с конца апреля до начала июля.

Вечернее платье от Пьера Кардена, 1959

Я всегда говорю о манекенщицах «мы». Остальные службы вкушают отдых такими же волнами, но у них все регулируется дирекцией. Дом не закрывается никогда.

Я не говорила о продавщицах (их от пяти до десяти, иногда двадцать, и у каждой есть помощница), доброжелательных подругах, занимающих самые интересные рабочие места, где требуется такт, опыт, знание психологии. Ими управляет директриса, подлинная «хозяйка дома». Под ее властью и служба рекламы (у Бальмена три очаровательные девушки), разделенная зачастую на два отдела: американский и французский, чьи обязанности для меня теряются в небесах. Связи с журналами, агентствами, рекламными агентствами, обмен опытом, запоздалые расчеты... либо оплата платьями, признаюсь в своем неведении... Коммерческий директор, который также парит в заоблачных сферах, знает об этом лучше меня.

Сложилось ли у вас представление – примерное, общее – об организации каждого из ведущих домов? Домов, которые представляют вам (таков наш случай!) от ста пятидесяти до двухсот платьев в коллекции!

Я забыла об отделе «Духи», который у многих (Шанель³⁴, Карвен³⁵, Ворт³⁶, Бальмен, Молино³⁷...) превратился в настоящую первоклассную фирму со многими отделениями, и прежде всего парфюмерной фабрикой.

Я забыла об инновации, ставшей ныне всеобщей, – о бу- тике, расположенном рядом с фирмой, где каждый владелец марки отныне продает платья второго класса или остатки коллекции, различные аксессуары, зачастую созданные для нее. Это перчатки, сумочки, шарфы, футляры, веера, клип- сы, фантазийная бижутерия и прочее. Клиентки сходят по ним с ума, и они служат для поддержания реноме дома.

Сколько шестеренок! И все они пустяк. Лишь мертвая

³⁴ Ш а н е л ь, Коко (наст. имя Габриель Бонер Шанель) (1883–1971) – французский кутюрье, начала свою деятельность в мире моды в 1909 г., открыв шляп- ный салон. В 1919 г. открыла свой Дом, став законодательницей мод в 1920-е гг. В 1921 г. представила свои знаменитые духи «Шанель № 5». Настоящий успех пришел во время Второй мировой войны, благодаря практичным и удобным мо- делям.

³⁵ К а р в е н (наст. имя Кармен Малле) (р. 1937) – французская создательница мод послевоенного времени, известна своими моделями для женщин небольшого роста, создала собственные духи *Ma Griffe*. – Прим. А. Васильева.

³⁶ Династия французских модельеров, основоположником которой был знаме- нитый Чарльз-Фредерик Ворт (1812–1895). Он успел передать дело сыновьям, Жану Филиппу (1856–1926) и Гастону (1853–1924). Именно под их влиянием во Франции начала XX в. развился стиль модерн.

³⁷ М о л и н о, Эдвард Анри (1891–1974) – французский модельер, в 1919 г. открыл свой Дом моды *Rue Royale* в Париже, очень скоро стал любимым портным звезд и знаменитостей, создал стиль *Deauville*. В 1927 г. создал первый аромат марки *Parfume Molyneux*.

механическая часть, а жизнь в нее вдыхает один из небожителей, представителей французской элиты, рискну даже сказать, гениальных творцов, по праву заслуживших славу, сравнимую со славой наших лучших художников. Эти люди суть истинные парижане, живущие и дышащие духом столицы. Одновременно они – граждане Мехико, Каира, Стокгольма... Таковы наши дорогие и августейшие хозяева!

VII. Манекенщица

Дебют состоялся без особых происшествий. Директриса Лиза Бьерле взяла меня под свое крыло и представила другой модельерше, мадемуазель Кристине, а также первым мастерицам. Последние постарались отыскать платья (коллекция показывалась через две недели), соответствующие моему «типу красоты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.